
А.А. Горский

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПОСАДНИЧЕСТВА НА РУСИ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о времени складывания на Руси системы управления через княжеских наместников в городах (явлении, признаваемом современной политической антропологией показателем перехода к государственной стадии политического развития). Сведения из главы 9 трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (940-е гг.) о русских «крепостях» сопоставляются с данными русско-византийского договора 944 г. и известиями Начального свода и Повести временных лет. В результате автор приходит к выводу, что во всех упоминаемых Константином центрах (к ним относятся Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Витичев) сидели наместники киевского князя, а не славянские князья и не независимые от Киева варяжские предводители. Эти города служили местами концентрации дани, собранной с близлежащих к ним славянских догосударственных общностей («славиний» по византийской терминологии). Таким образом, в княжение Игоря система посадничества предстает уже в достаточно развитом виде (поэтому можно полагать, что элементы ее возникли еще при Рюрике и Олеге, хотя надежных данных о посадниках этих князей нет). Управление через наместников непосредственно подвластной русским князьям территорией (вытянутой с севера на юг вдоль «пути из варяг в греки») сочеталось в середине X в. с элементами, свойственными т. н. «сложному вожеству» — наличием «славиний», сохраняющих своих князей и обязанных Киеву только данью. К концу X столетия посадничество распространяется на всю территорию, где признается власть киевского князя. При этом структура распределения князей-наместников при Владимире Святославиче развивает ту, что фиксируется в середине X в., видоизменяя ее в условиях значительного расширения непосредственно подвластной русским князьям территории. Владимир сажал сыновей на недавно присоединенных землях — в бывших «славиниях» (Полоцк — кривичи, Туров — дреговичи, земля древлян, Владимир — вольняне) и на неславянских территориях (Ростов — меря, Муром — мурома, Тьмуторокань в Приазовье). Из городов же, издавна находившихся под непосредственной властью киевских князей, наместники-Владимировичи были отправлены только в наиболее отдаленные от Киева центры — Новгород и Смоленск. Среднее Поднепровье, где были расположены Чернигов, Любеч, Вышгород и Витичев, оставалось под управлением Владимира, здесь сидели посадники-бояре.

Ключевые слова: Русь, X век, формирование государства, посадник

Должность *посадника* — княжеского наместника в городе — начинает упоминаться в отечественных источниках начиная с описания событий 970-х гг.¹ К близкому времени (концу X — началу XI в.) относятся данные о посажении киевскими князьями (Святославом, а затем Владимиром) своих сыновей в главных центрах подвластной им территории². Обычно в историографии разделяют князей-наместников и наместников не княжеского статуса, именуя «посадниками» только последних. Но по сути и князья и посадники не княжеского ранга выполняли одну функцию — наместников вышестоящего правителя. Территории, управляемые князьями, получили наименование *волостей*³; бояре же сажались в городах — опорных пунктах княжеской власти внутри волостей, или могли замещать князя в столице волости во время его отсутствия по тем или иным причинам⁴. Назначение наместника-князя описывается в источниках с помощью того же глагола *посадити*⁵, от которого происходит слово «посадник». Вероятно, поначалу князья-наместники также могли именоваться посадниками: так, «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), рассказывая под 1014 г. о порядке распределения дани с Новгородской волости в княжение там Ярослава Владимировича, отмечает: «такое даяху вси посадници новъгородьстии»⁶, т. е. определяет Ярослава и его предшественников (среди которых были, только по летописным данным, князья Владимир Святославич и Вышеслав Владимирович, и лишь один наместник не княжеского статуса — Добрыня⁷) как посадников⁸.

С укоренением наместников киевского князя прекращают существование догосударственные славянские общности во главе с собственными князьями, в византийских источниках опреде-

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 75, 125.

² Там же. Стб. 69, 121.

³ См.: Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 13–18.

⁴ См.: Толочко П.П. Власть в Древней Руси. СПб., 2011. С. 131–149.

⁵ «Святослав посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ»; «Володимерь... посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 121).

⁶ Там же. Стб. 130.

⁷ Там же. Стб. 69, 79, 121.

⁸ Ср.: Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003. С. 68, 73.

ляемые как «славинии»⁹. Вопрос о формировании новой системы управления имеет особое значение, поскольку в современной политической антропологии именно переход к управлению подвластными территориями через лиц, назначаемых верховным правителем, признается чертой, отделяющей государство от предшествующей стадии политического развития — т.н. «вождества»¹⁰.

Помимо данных Начального летописания о князьях-наместниках при Святославе и Владимире и посадниках иного статуса начиная с 970-х гг., имеются и известия о более ранних событиях, в которые можно было бы усмотреть упоминания института посадничества.

В ПВЛ первое известие о посадении наместников относится к рассказу о деятельности Рюрика: «И приа власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлозеро»¹¹. Но в Новгородской первой летописи, донесшей текст более раннего, чем ПВЛ начала XII в., летописного памятника — т.н. Начального свода конца XI столетия — этого известия нет¹², поэтому возможно, что перед нами домысел составителя ПВЛ, исходившего из реалий своего времени.

В рассказе ПВЛ о походе Олега на Киев говорится о посадении Олегом своих «мужей» в Смоленске и Любече¹³. Однако в Начальном своде эти сведения отсутствуют и здесь также можно подозревать реконструкцию событий со стороны составителя ПВЛ. Исходя из общих соображений, можно допустить, что управление через наместников при Олеге существовало, так как после прихода в Киев под его властью оказалось вытянутая более чем на тысячу километров с севера на юг территория и

⁹ См. об этом термине: *Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984; *Горский А.А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9–19. Традиционное определение этих общностей как «племен» неверно как фактически (они ни в одном источнике ни разу не называются «племенами»), так и с точки зрения современной политической антропологии, исходя из которой эти образования следует относить не к племенам (в научном смысле этого понятия), а к более высокой стадии развития — т.н. «вождествам» (см. подробно: *Горский А.А.* Первое столетие Руси // *Средневековая Русь*. М., 2012. Вып. 10. С. 32–48).

¹⁰ См.: *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004. С. 149–192.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

¹² Ср.: НПЛ. С. 106–107.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

контролировать ее без наместников было вряд ли возможно. Но надежных сведений, подкрепляющих такое допущение, нет.

В этой связи особое значение имеют сведения современного события источнику — трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, рисующего ситуацию 940-х гг. В гл. 9 трактата, повествующей о Руси, упоминаются несколько укрепленных поселений (автор определяет их через термин *κίστρον* — «крепость»). Рассказывая о сборе судов-«моноксиллов», отправляющихся затем в Византию для торговли, Константин отмечает: «[Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моноксиллы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда¹⁴. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочии Славинии — рубят в своих горах моноксиллы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксиллы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом россов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксиллы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр»¹⁵. Далее идет рассказо ежегодных путешествиях «росов» в Византию для торговли, а в конце главы говорится: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев (т.е. древлян, дреговичей, кривичей и северян¹⁶. — *А. Г.*) и прочих славян, которые

¹⁴ Речь идет соответственно о Новгороде, Смоленске, Любече, Чернигове и Вышгороде (см.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1989. С. 310, 312–314, коммент. 6, 11–14).

¹⁵ Там же. С. 44–47.

¹⁶ См.: Там же. С. 330–331, коммент. 67–70.

являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев»¹⁷.

Из фрагмента о сборе монокилов прямо следует, что Киев являлся главным центром Руси, а в Новгороде¹⁸ сидел на княжении в качестве наместника киевского князя сын Игоря Святослав. Каков был статус остальных укрепленных поселений? Возможны три варианта: 1) в них сидели наместники-посадники киевского князя; 2) они были центрами зависимых от русских князей «славиний»; 3) в них правили независимые от киевского князя варяжские предводители¹⁹. Некоторые данные для решения этого вопроса есть. Суммируем их, расположив крепости в порядке удаленности от Киева.

В отношении Вышгорода (в 15 км от Киева выше по Днепру) имеется известие Начального свода и ПВЛ под 946 г. После рассказа о покорении Ольгой древлян говорится: «И возложиша на них дань тяжку, и двѣ части дани Киеву идет, а третья Вышегороду ко Олзѣ; бѣ бо Вышегород Олгинъ град»²⁰. Если ремарка об Ольге может быть комментарием летописца, объясняющим, почему треть дани шла в Вышгород, то сама фраза о распределении дани домислом книжника явно не является, поскольку упоминание Вышгорода предыдущим текстом никак не мотивировано; перед нами, несомненно, припоминание некой реалии. В связи с этим примечательно, что принцип распределения дани совпадает с тем, который действовал, согласно летописной статье под 1014 г., по отношению к волости с центром в Новгороде: «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси князи (в ПВЛ — «посадници») новгородстии»²¹. В обоих случаях две трети дани отпра-

¹⁷ Там же. С. 50–51.

¹⁸ «Новгороду» второй половины IX — X в. соответствует т.н. Рюриково городище, см.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. М., 2012. С. 92–119.

¹⁹ Такое предположение высказывалось в отношении Чернигова (*Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю.* Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995) и Смоленска–Гнездова (*Енисосова Н.В., Пушкина Т.А.* Гнездово — раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 59–60).

²⁰ НПЛ. С. 113; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

²¹ НПЛ. С. 168; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

ляется в Киев, а одна остается в другом городе. Таким образом, для Вышгорода середины X в., т.е. времени его упоминания в труде Константина Багрянородного, характерно распределение дани, имевшее место при посадническом управлении. Отсюда следует, что там, вероятнее всего, правил наместник киевского князя, к которому свозилась дань с древлян²².

Витичев (на Днепре ниже Киева в 60 км) в X столетии упоминается только в сочинении Константина. При этом обращает внимание его характеристика — «крепость-пактиот росов». «Пактиотами» в других местах главы 9 названы «славинии» — древляне, дреговичи, кривичи, северяне и лендзяне²³. Обычно считается, что термин «пактиоты» указывает как на даннические, так и союзнические отношения²⁴. Но специальное исследование термина *пáктон* показало, что в византийских источниках X в., в т.ч. в сочинениях Константина Багрянородного, при описании событий VII — X вв. он обозначал только *tributum* — дань²⁵. Следовательно, обозначение Витичева как «пактиота» означает, что с этой крепости в Киев²⁶ поступала дань, т.е. местный правитель был зависим от киевского князя. С кого эта дань могла быть собрана? В гл. 37 трактата Константина как «подплатежная Руси» упоминается еще одна, помимо названных в гл. 9, «славиния» — уличи²⁷. Согласно Начальному своду, уличи были покорены Игорем в начале 940-х гг. При этом источник указывает, что первоначально они жили на Днепре ниже Киева: «И примучи углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньделду. И не вдадѣшется единѣ град, именовѣ Пересѣченѣ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдяще углицѣ по Днѣпру внизи, и посеми приидоша межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо...

²² Связь Вышгорода именно с Ольгой, если не является домыслом летописца, может свидетельствовать об особом статусе города в ее княжение, после покорения древлян; там, например, могла находиться часть личной дружины Ольги, упоминаемой в рассказе о третьей мести древлянам (ПСРЛ, Т. 1. Стб. 57).

²³ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 44–45, 50–51.

²⁴ Там же. С. 316, коммент. 18.

²⁵ *Synellis K.* Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «пáктон» im Rahmen der Entwicklung der Internationalen Beziehungen von Byzanz vom 4. Bis zum 10. Jahrhundert // *Studien zur Geschichte der römischen Spätantike*. Athen, 1989.

²⁶ Нет сомнений, что «пактиот росов» означает данника именно киевского князя, т. к. у Константина Киев выступает как главное место концентрации «росов»: из Киева они ходят в полюдье и туда же возвращаются.

²⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 156–157.

В лѣто 6448. В се лѣто яшася уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взят бысть. В се же лѣто дасть дань на них Свѣнделду»²⁸. Уличи, таким образом, были ближайшей к Витичеву «славинией». Правда, из летописного текста неясно, когда уличи ушли с Днепра — после подчинения киевскому князю или в какие-то более ранние времена²⁹. Но даже если в 940-е гг. они обитали уже в районе Южного Буга и Днестра, все равно ближайшей к улицам русской крепостью был именно Витичев. При этом «уличским» «градом» он несомненно не был — центром улочей в сообщении Начального свода выступает Пересечен. Таким образом, вероятнее всего, Витичев играл ту же роль, что Вышгород в отношении древлян³⁰ — там концентрировалась дань с близлежащей «славинии», часть ее (скорее всего, те же две трети) затем переправлялась в Киев. И для Витичева, следовательно, наиболее вероятным представляется, что там сидел посадник киевского князя.

Расположенный в низовьях Десны Чернигов называется в договоре Игоря с Византией 944 г. : «...взъмутъ мѣсяцное свое, сли слѣбное свое, а гостие мѣсяцное свое, пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочии города»³¹. Сомнения, высказывавшиеся в историографии по поводу аутентичности этого фрагмента³², не могут быть признаны обоснованными: упоминание Переяславля, основанного в конце X столетия, могло появиться на месте непонятого русскими переводчиками греческого названия города³³, но в отношении Киева и Чернигова, в 940-е гг. несомненно существовавших и называемых в

²⁸ НПЛ. С. 109–110.

²⁹ Ситуацию не проясняет и гл. 37 Константина, где говорится о соседстве улочей с печенегами, что подходит и для днепровской, и для южнобужской локализации.

³⁰ Археологические данные позволяют датировать основание Витичева серединой X в. (см.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. С. 325). Если это так, то очень похоже, что крепость была основана сразу после подчинения улочей, для контроля над ними.

³¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 37; ср.: Т. 1. Стб. 48–49.

³² Lind J.H. The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. V. 62. № 3.

³³ О возможности наличия таких названий в греческих текстах говорит упоминание у Константина Багрянородного крепости под названием *Τελιούτζα*. Его интерпретируют как Любеч, но только благодаря географическому развертыванию перечня поселений (потому, что между Смоленском и Черниговом другого русского города для того времени источники не знают). Если бы *Τελιούτζα* читалось в ином контексте, опознать в этом поселении Любеч не смогли бы ни современные комментаторы, ни древнерусские читатели.

сочинении Константина Багрянородного, сомнения беспочвенны³⁴. Согласно тексту статьи, в которой упоминается Чернигов, устанавливалась ответственность русского князя Игоря за поведение послов и купцов, приходящих из перечисленных, а также «прочих» городов: «Да запретить князь словомъ своимъ и приходящи Руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ ни в странѣ нашей; и приходящимъ имъ да витають у святого Мамы, да послеть цесарство ваше, да испишетъ имена ихъ, и тогда възмутъ мѣсяцное свое, сли слѣбное свое, а гостие мѣсяцное свое, пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочии городаы»³⁵. А это значит, что Игорь имел властные prerogatives в отношении людей, приходящих из Чернигова, что объяснимо только в случае, если в Чернигове сидел зависимый от него правитель.

Что касается Любеча (на Днепре выше впадения Припяти), то здесь мы имеем только известие ПВЛ под 882 г. о посажении Олегом «мужа своего»³⁶. Воспринимать его как достоверное нет оснований, особенно учитывая молчание об этом факте Начального свода. Данных, позволяющих допустить, что Любеч был центром какой-либо «славинии», или что там находился независимый от Киева варяжский предводитель, не имеется.

В отношении Смоленска в Начальном своде говорится, что Игорь и Олег «налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ град»³⁷, а ПВЛ под 882 г. утверждает, что Олег «прия градъ и посади мужъ свои»³⁸. Во вводной (недатированной) части ПВЛ Смоленск охарактеризован как город кривичей³⁹ — т.е. одной из «славиний», упомянутых среди «пактиотов» Руси Константином Багрянородным. Но археологическое изучение Гнездовского комплекса⁴⁰, показавшее, что элитный слой здесь был представлен выходцами

³⁴ См.: Горский А.А. Первое столетие Руси. С. 63–67.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 37; ср.: Т. 1. Стб. 48–49.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

³⁷ НПЛ. С. 107.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; ср.: Т. 2. Стб. 16.

³⁹ «... кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины, и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ же и городъ есть Смолѣнескъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8; ср.: Т. 1. Стб. 10).

⁴⁰ Хотя донные можно встретить отрицание тождества Гнездова и Смоленска X столетия — «Милински» трактата Константина (Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв.: От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 238–243), иной разумной версии, в условиях отсутствия на современном месте города археологических слоев старше середины XI в., не существует.

из Скандинавии, фактически исключает возможность того, что в середине X в. Смоленск играл роль центра «славинии»⁴¹. С другой стороны, для предположения о принадлежности Смоленска независимым от Киева варяжским предводителям⁴² этого факта недостаточно⁴³, поскольку присутствие норманнов в это время прослеживается и там, где несомненно правили преемники Рюрика, в т.ч. в Киеве.

Итак, из шести названных в рассказе Константина поселений для четырех (Новгорода, Вышгорода, Витичева и Чернигова) имеются данные в пользу того, что они управлялись наместниками киевского князя. Сопоставление рассказов о сборе моноксилов и о полюдьях наводит на предположение о параллельности списка крепостей и перечня «славиний», на которые распространялись полюдья. Если в Вышгороде концентрировалась дань с древлян, то Чернигов был наиболее подходящим местом для своза дани с северян, Любеч — с дреговичей, а Смоленск — с кривичей. По тексту Константина, все участники полюдий выходили из Киева и возвращались по окончании «кружений» туда же. Однако рассказ явно подразумевает не одно большое «полюдь» (как предполагал Б.А.Рыбаков⁴⁴), а несколько «полюдий» — по каждой из «славиний»⁴⁵. Известие Начального летописания о распределении древлянской дани с участием Вышгорода позволяет полагать, что участники полюдий свозили дань в соответствующую той или иной «славинии» крепость, после чего две трети ее отправлялось в Киев. Вероятно, перед началом полюдий в каждую из крепостей прибывал отряд из Киева, который участвовал в сборе, контролировал распределение продукта и весной доставлял в столицу его «киевскую долю»; отсюда и представление византийского автора, что все участники полюдий осенью

⁴¹ См.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. С. 242–273.

⁴² См.: Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Гнёздово.

⁴³ Свидетельства контактов знатных жителей Гнездова–Смоленска с Византией не могут расцениваться как показатели независимости от киевского князя: вполне естественно, что в посольствах и торговых поездках в Константинополь участвовали представители тех самых «прочих городов», «слы» и «гости» из которых прямо упоминаются в договоре 944 г. и выступают как подданные киевского князя, за чье поведение на территории Империи он несет ответственность.

⁴⁴ Рыбаков Б.А. Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 38–49.

⁴⁵ См.: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 60–62; Горский А.А. Первое столетие Руси. С. 23–24.

выезжают из Киева, а весной возвращаются туда⁴⁶. Общая картина функционирования политической системы Руси, рисуемая Константином, склоняет к мнению, что *все* названные поселения управлялись наместниками киевского князя.

Таким образом, на той территории, что в 940-е гг. относилась не к зависимым «славиниям», а находилась под непосредственной властью русских князей, уже функционировало наместничество — как минимум в большинстве перечисленных в сообщении Константина Багрянородного поселений, а вероятнее всего во всех⁴⁷. Сведения памятников Начального летописания, Константина Багрянородного и русско-византийского договора 944 г. не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Данных в пользу того, что в каком-то из городов, названных в сочинении Константина, сидел независимый от Киева варяжский предводитель или славянский князь, не содержит ни один источник⁴⁸.

⁴⁶ Предложенная картина на первый взгляд противоречит сообщениям Начального свода и ПВЛ о передаче Игорем дани с древлян и уличей воеводе Свенельду и о непосредственном сборе дани с древлян самим Игорем (НПЛ. С. 109–110; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55). Однако из летописного изложения «речи» дружины Игоря («оторчи Свѣльжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назѣ; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы» — НПЛ. С. 110; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54) следуют два обстоятельства: 1) передача дани с древлян Свенельду привела к сокращению доходов дружины Игоря; 2) в обычной ситуации сам киевский князь за данью не ходил. Поэтому вероятнее всего, что воевода киевского князя получил право на «киевскую долю» дани с древлян и уличей — те самые две трети; дружина князя таким образом лишилась доходов с двух «славиний» (две трети их шло Свенельду и его отрокам, одна оставалась в распоряжении посадников Вышгорода и Витичева), что и вызвало ее недовольство и привело к вторичному, сверх установленных норм, сбору дани с древлян самим Игорем.

⁴⁷ При этом существование в Восточной Европе в X столетии укрепленных поселений, в которых правили не связанные с киевской династией варяжские предводители, несомненно: есть прямое известие о правлении такого предводителя (Рогволода) в Полоцке в 970-е гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75–76). Не исключено их наличие в Верхнем Поволжье (где присутствие скандинавов по материалам археологии прослеживается с IX в.), в отношении которого мы не имеем данных о распространении власти русских князей до конца X в., кроме присутствующего только в ПВЛ и скорее всего являющегося плодом реконструкции летописца начала XII столетия указания на посажение Рюриком своего «мужа» в Ростове (иногда его воспринимают как достоверное, ср.: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв. С. 112–113, 160). Но те поселения, которые перечислены в гл. 9 трактата «Об управлении империей», вероятнее всего все находились под верховной властью киевского князя.

⁴⁸ По мнению А.В. Назаренко, упоминаемые в договоре 944 г. «гости» были представителями не киевского князя и его родичей, а иных предводителей «росов», сидящих в «торгово-ремесленных поселениях» (*Назаренко А.В.* «Сль» и «гостие»: О структуре политической элиты Древней Руси в первой половине —

Как наместничество Игоревой эпохи соотносится с тем, которое известно в эпоху Владимира? На первый взгляд перечень «крепостей» Константина Багрянородного мало сходен с тем, что дает Начальное летописание для конца X в.

940-е гг.: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, Витичев.

Распределение сыновей Владимиром: Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, земля древлян, Владимир (Волынский), Тьмуторокань, Смоленск⁴⁹.

Среди городов, где Владимир сажает сыновей, фигурируют упомянутые Константином Новгород и Смоленск, но нет Чернигова, Любеча, Вышгорода и Витичева. Однако это может лишь означать, что во времена Владимира и позже посадниками в этих городах были не князья, а бояре⁵⁰. Очевидно, сыновей Владимир сажал на недавно присоединенных землях — в бывших «славиниях» (Полоцк — кривичи, Туров — дреговичи, земля древлян, Владимир — волыняне) и на неславянских территориях (Ростов — меря, Муром — мурома, Тьмуторокань в Приазовье). Из городов же, издавна (со времен Олега) находившихся под непосредственной властью киевских князей, наместники-Владимировичи были отправлены только в наиболее отдаленные от Киева центры — Новгород и Смоленск. Среднее Поднепровье, где были расположены Чернигов, Любеч, Вышгород и Витичев, оставалось под управлением Владимира, здесь сидели посадники-бояре. Таким образом, структура распределения наместников при Владимире развивает ту, что фиксируется в сере-

середине X в. // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 169–174). Однако участие людей, проводящих торговые операции в чужой стране (таково значение древнерусского термина *гость*) в переговорах не представляло ничего необычного, тем более в середине X столетия. Согласно рассказу Константина Багрянородного, сбыт продуктов, добытых в полюдьях, осуществляли те же «рось», которые ходили в полюдья, т.е. дружинники русских князей. Следовательно, «гости» договора 944 г. — это приплывшие в Царьград вместе с послами «сбытчики» продуктов, полученных в качестве дани от «славиний»; их статус как членов военной элиты вполне позволял участвовать в заверении договора. Никаких данных в пользу того, что они представляли кого-то, кроме киевского князя, его родственников и наместников в «градах», нет.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 105.

⁵⁰ Под 996 г. упоминается празднество в Киеве, на которое были созваны «посадники старѣшины по всѣм градомъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125), явно ближайшим к Киеву; под 1072 г. упоминается в качестве посадника в Вышгороде боярин Чюдин (Там же. Стб. 182).

дине X в., видоизменяя ее в условиях значительного расширения непосредственно подвластной русским князьям территории.

Итак, в княжение Игоря система посадничества предстает уже в достаточно развитом виде (поэтому можно полагать, что элементы ее возникли еще при Рюрике и Олеге, хотя надежных данных о посадниках этих князей нет⁵¹). Управление через наместников непосредственно подвластной русским князьям территорией (вытянутой с севера на юг вдоль «пути из варяг в греки») сочеталось в середине X в. с элементами, свойственными т.н. «сложному вождеству» — наличием «славиний», сохраняющих своих князей и обязанных только данью. К концу X столетия посадничество распространяется на всю территорию, где признается власть киевского князя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 7–112.

Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Гнёздово — раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 55–62.

Зоценко В. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.

⁵¹ Вместе с тем можно заметить, что по археологическим данным большинство из названных у Константина Багрянородного центров (Смоленск–Гнездово, Чернигов, Любеч, Вышгород) существовали уже во времена Олега, и возникли как укрепленные поселения примерно синхронно, около рубежа IX — X вв. (см.: Русь в IX — X вв.: Археологическая панорама. С. 270–271, 338–341, 356–357; Зоценко В. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1. С. 23–25). Это позволяет допускать, что они появились как опорные пункты русских князей после закрепления в Киеве (для контроля над торговыми путями и близлежащими «славиниями»-данниками), и, следовательно, с самого начала управлялись их наместниками.

- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004.
- Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193–203.
- Назаренко А.В.* «Слы» и «гостие»: О структуре политической элиты Древней Руси в первой половине — середине X в. // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 169–174.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
- ПСРЛ. М., 2001. Т. 2.
- Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама. М., 2012.
- Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 36–57.
- Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. СПб., 2011.
- Янин В.Л.* Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.
- Lind J.H.* The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. V. 62. N 3. P. 362–370.
- Synellis K.* Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «πάκτων» im Rahmen der Entwicklung der internationalen Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der römischen Spätantike. Festgabe für Johannes Straub / Ed. E. Chrysos. Athen, 1989. S. 234–250.
- A.A. Gorsky*

DISCUSSING THE FORMATION OF THE POSADNIK SYSTEM IN RUS'

Abstract: The paper discusses the problem of the time of formation of the posadnik system, i. e. the government through prince's governor-generals in Russian towns (modern political anthropology considers it to be the evidence of the transition to the state level of political development). The information of “De administrando imperio” by Constantine Porphyrogenitus (ch. 9, the 940s) about Russian “fortresses” is compared with the data of the Rus'-Byzantine treaty of 944 and with the information of the Primary Code and the Primary Chronicle (Povest' vremennykh let). The conclusion is: all the centres which Constantine names (Novgorod, Smolensk, Lyubech, Chernigov, Vyshgorod and Vitichev among them) were governed not by Slavic princes or independent of Kiev Varangian chiefs, but by posadniks of the Kievan Prince. These towns accumulated the tribute from the neighbouring pre-state communities (“Slavinii”, to use the Byzantine term). So, under Igor' the posadnik system appears already rather developed one (its elements can be considered to have appeared under

Rurik and Oleg, though there are no trustworthy data about posadniks of those princes). In the mid-tenth century the governing through posadniks on the territory subject to Russian princes (along the trade route “from the Varangians to the Greeks”) combined with the elements of the so-called “complex chiefdom”, i. e. the existence of “Slavinii” which were subject to their own princes and which only paid the tribute. By the late tenth century the posadnik system extended to the whole territory which acknowledged the authority of the Kievan Prince. At the same time the structure of the allocation of princes-posadniks under Vladimir Svyatoslavich develops the one of the tenth century and transforms it under the conditions of considerable expansion of the territory subject to the Russian princes. Vladimir set his sons on the newly annexed lands, both in the former “Slavinii” (Polotsk — the Krivichs, Turov — the Dregovichs, Murom — the Muroma, T’mutorokan’ near the Azov sea). Among the towns for a long time subject to the Kievan princes Vladimirovichs were only sent to Novgorod and Smolensk being the centres farthest from Kiev. The territory along the middle part of the Dnieper, with Chernigov, Lyubech, Vyshgorod and Vitichev, was subject to Vladimir. Posadniks-boyars governed there.

Keywords: Rus’, tenth century, formation of state, “posadnik”